УДК 316

В.К. Падерин – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии
Казанский государственный архитектурно-строительный университет (КазГАСУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К КОНЦЕПЦИЯМ И ПРАКТИКЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется одна из наименее изученных в институциональной теории проблем культурно-институциональных изменений. Показывается ее практическое значение для стабильного общественного функционирования, обозначаются подходы к ее решению, исключающие крайности, связанные как с некритическим переносом в российскую социокультурную среду заимствованных извне институциональных практик, так и с абсолютизацией собственных тенденций институционального развития.

V.K. Paderin – doctor of philosophy, professor, head of the Sociology department
Kazan State University of Architecture and Engineering (KSUAE)

TRANSFORMATION OF CULTURAL – INSTITUTIONAL INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN SOCIETY: POSSIBLE APPROACHES TO CONCEPTION AND PRACTICE OF REFORMATION

ABSTRACT

One of the least studied in the institutional theory – the problem of cultural-institutional changes is analyzed. Its practical usage for the stable social functioning is shown; approaches to solutions, excluding extremes are suggested. These extremes are related both to the non-critical transition of institutional practices, borrowed from the outside, in the Russian social-cultural environment and to absolutisation of its own trends of institutional development.

Одной из важнейших составляющих социотрансформационных процессов является изменение социальных институтов. По мнению академика Т.И. Заславской, социальная трансформация реализуется в первую очередь через изменение системы базовых общественных институтов, а также социальной структуры и человеческого потенциала* [1]. В то же время, как отмечают многие исследователи, проблема институциональных преобразований вообще, и культурно-институциональных, в частности, «остается одним из наименее проработанных элементов неоинституциональной теории» [2]. Это связано с тем, что долгие годы отечественная наука, во-первых, при рассмотрении вопросов культуры делала упор прежде всего на художественную и культурно-просветительскую практику (роль и значение которых оценивались с позиций того, какой вклад они вносят в дело идеологической обработки населения), на проблематику формирования нового человека. И, во-вторых, такое состояние обусловлено также тем, что при изучении социальной структуры исследовался преимущественно социально-групповой срез общества, а институциональный – нет. Сыграло свою роль подозрительное отношение к изучению институциональной инфраструктуры, так как это казалось идеологически заангажированным социологам «подкопом» под незыблемые, обреченные на вечное существование институты.

Понимание и оценка изменений, происходящих в институтах культуры России (а также в практике их реформирования) во многом зависит от характера видения самих преобразований.

Если исходить из того, что российская трансформация воспроизводит институциональный порядок западных обществ, то это будет один подход, если отталкиваться от традиционного типа рациональности – другой. Возможна также позиция, стремящаяся исходить из «того» и из «другого», то есть сочетания инновационного (западного) и традиционного (почвеннического), которая также уязвима, так как в данном случае не всегда конкретизирует само понятие инновационного, которое может быть радикальным (базовым) или парциальным (частичным). Не говоря уже о том, что

* Это отмечают также и другие исследователи.

культ новизны нередко порождает множество форм псевдоновизны [3]. Кроме того, есть социокультурные пределы институционализации западных культурных практик в отечественном социумном пространстве (экономическом, политическом, правовом). Вопросов много. Но как бы то ни было, теория трансформации активно применяется как западными, так и российскими социологами «для описания и анализа процессов перехода России и стран Восточной Европы к рыночной организации экономики и демократическим политическим институтам» [4].

Первые исходят из ряда допущений, суть которых в следующем: в ходе осовременивания неизбежно и закономерно заимствование западных культурно-институциональных моделей (т.к. запад показал человечеству контуры устройства такого будущего, которое могло бы «устроить всех»); процессы преобразований имеют одновременный характер, т. к. «изменения в одном сегменте (общественной организации – В.П.) неизбежно вызывают вполне определенные, системно ориентированные изменения в других сегментах» [4]. Однако данный подход разошелся с реальностью по целому ряду моментов. Оказалось, что реформирование экономических институтов вполне может сопровождаться приобретением жесткости институтами политическими (и в частности, закреплением структур по ряду признаков чем-то напоминающих институты самодержавного правления в дореволюционной России).

Тезис об одновременности всех изменений также не подтвердился. В итоге оказалось, что социальная трансформация (в том числе институциональная) – это не заранее заданный процесс с предсказуемыми конечными параметрами, а саморегулирующийся и самокорректирующийся, свободный от концептуальной заданности. Кроме того, нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что западные трансформационные концепции объясняли переход от традиционного общества к индустриальному. Что же касается своеобразия российского социума, то в нем представлено социумно-индустриальное как доминанта, с большим вкраплением социумно-традиционного и элементами (ростками) постиндустриального. Поэтому институциональная рациональность западного типа явно не вписывается в социокультурные рамки российского социума. Попытки же «сверху», властно-волевыми усилиями внедрить западные культурно-институциональные практики приводят или к наполнению заимствованных извне институтов традиционным содержанием, или к сопротивлению (активному, конфликтному или пассивному) нововведениям.

Поэтому представители современных трансформационных теорий пересматривают некоторые свои исходные постулаты. Как отмечает один из всемирно известных социологов Петр Штомпка, пересматриваются следующие положения:

- в качестве движущей силы модернизации уже не рассматривается только политическая элита, действующая «сверху»;

- она уже не трактуется как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению;

- не может существовать единой, универсальной модернизационной модели;

- трансформация – это разнообразный и многоликий процесс, сопровождающийся «трениями», отступлениями, попятными ходами и даже провалами;

- трансформационные потенции могут содержаться и в традиционном (в том числе в традиционных институтах) [5]. Поэтому не все традиционные институты культуры должны отбрасываться и объявляться антиинновационными.

В ходе демонтажа основных интеграционных механизмов старого порядка не может быть проигнорировано (но, к сожалению, это делается на каждом шагу) то, что в традиционном находятся («складированы») отобранные многими и многими поколениями культурно-институциональные конструкции, которые могут использоваться для возведения будущего на фундаменте прошлого. Оно, как очень точно заметил П. Штомпка, обеспечивает современников «строительными блоками»[5].

Традиционное, кроме того, хотим мы того или нет, – один из источников легитимности. Именно традиционная рациональность «освещает» (или «наоборот» отрицает) инновационные институты культуры. Причем, оно «работает» на всех этапах институционализации, начиная с креации («освящения» традицией появления института), интериоризации (внутреннего принятия того или иного культурного установления), интернационализации (признания института значимым для той или иной общности, социума в целом, «разрешение» «захвата» им социального пространства), мультипликации («размножения») и заканчивая легализацией (без санкции традиционного узаконение, придание законной силы тому или иному новому институту культуры может быть затруднено). Известны словосочетания: «люди так считают», «люди поддерживают», «люди не соглашаются», «общественность возмущается», «общественное мнение протестует» и т.д. и т.п. Собственно, убеждение в необходимости создания и функционирования того или иного института культуры со ссылкой на авторитеты - это и есть аргумент к традиции, хотя он может быть достаточно шатким, особенно когда за ним стоит стагнационное по своей сути тяготение к «старому», «испытанному» и «надежному» (которое может быть вовсе и не надежным и не прочным, а изношенным).

И, наконец, традиционное (в том числе традиционные институты культуры) действует успокаивающе на людей, выступает своего рода стабилизатором, «устройством» для уменьшения последствий социальной «качки», особенно во времена перемен и кризисов. Так, традиции, напоминающие о некогда культурном величии, об утраченной свободе, постепенно подтачивают даже самый жесткий политический режим, с его институтами культуры, призванными в первую очередь контролировать образ мыслей людей.

Традиционные институты культуры функционально амбивалентны. Это проявляется в том, что в них содержится не только социально-позитивный «заряд» (потенциал»), но и негативный, сдерживающий введение инновационных по своей сути установлений, мешающий распространению и закреплению таких практик, которых требуют новые социальные реалии. Не исключен также вариант, когда за традиционным «прячутся» до поры до времени практики жестокости, разрушения, дискриминации, из всех «пор» которых веет иррациональностью.

Следовательно, неправы как те, кто выполняет «па» «на бис» для Запада (объявляя его культурно-институциональные инфраструктуры «образцом» для воспроизведения, игнорируя факт существования социокультурных рамок институционализации заимствованных извне культурных официальных и неофициальных практик), так и те, кто, выступая с позиций «ура-патриотизма» призывает пристальнее взглянуть на традиционные институты культуры (конечно, и это необходимо делать, когда требуется реанимировать те из них, которые находятся в состоянии анабиоза) и только там черпать материал для институционального строительства. Позиция, которую можно образно выразить словами «вот моя деревня, вот мой дом родной», так же бесперспективна, как и позиция черпанья «пригоршнями ума» оттуда, из «прекрасного далека», не учитывая «ладно ль за морем иль худо».

Возможен и еще один сценарий реформирования культурно-институциональной инфраструктуры России, «завязанный» на временной фактор. Поскольку все социокультурные трансформации происходят во времени, у них есть протяженность, постольку предпринимаются попытки интегрирования («вмонтирования») времени в неоинституциональную теорию. Отражением этих попыток являются транзитологические концепции** [6]. В отечественной науке интерес к ним появился после провальных попыток разрубить «гордиев узел» проблем в кратчайшее время («шоковая терапия» – пусть какое-то очень короткое время будет очень больно, зато потом…; а также, к счастью не реализованная программа «400 дней» и пр.). А ведь еще П. Сорокин подчеркивал, что «…любое СТАНОВЛЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ, ПРОЦЕСС, СДВИГ, ДВИЖЕНИЕ, ДИНАМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ … предполагает время» [7].

Сегодня ясно, что потребуются годы для реформирования культурно-институциональной инфраструктуры. Сказочных, чудодейственных рецептов реформирования нет. Так как институты представляют собой довольно долговечные механизмы (системы) упорядочения социальных связей, то для их переналадки, переструктурирования, возведения новых требуется не просто время, а, что самое главное, адекватное (правильное) осознание временного фактора субъектами социального действия. Это, с одной стороны, гарантирует соответствие реально осуществляемого ожидаемому и, с другой стороны, «развивает силу действия» у тех, кто осуществляет преобразования. Если, например, институциональное реформирование осуществлять под прессингом озабоченности недостатком времени, то результат будет один. Если же пренебрегать временем, вольно обращаться с ним («отложим на потом») – совсем другой. Очевидно, нужно разумное обращение со временем, главный критерий которого – социальное самочувствие людей. Нельзя как ускорять преобразования, исходя из субъективного представления об их темпах (что способно во много раз увеличить активные риски), так и затягивать их, так как в этом случае есть опасность вхождения в «зону стагнации» (с ее огромным полем рисков пассивного характера). В России сложилась громоздкая, а главное, неэффективная (в силу ее «забюрократизированности») культурно-институциональная инфраструктура, которую нужно реформировать, не откладывая. Но стратегии и темпы его должны определяться не просто правящей элитой, а с учетом их предварительной экспертизы общественностью (общественным мнением). Без соблюдения этого условия могут проиграть целые социальные группы (интересами которых нужно будет платить за обновление). И, кроме того, вполне возможен «тектонический эффект», связанный с инициированием «разломов»,

** Возникли на рубеже 70-80-ых годов прошлого столетия в связи с необходимостью осмысления процессов перехода от авторитаризма к демократии, которые сопряжены с усилением социальной напряженности, резким падением эффективности функционирования социальных институтов, снижением степени предсказуемости поведения индивидов и социальных групп, усилением потребности выхода из кризиса. Исходный постулат транзитологии – социальные трансформации в различных странах требуют различного времени, что связано с неодинаковой комбинацией в них внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов. То есть для каждого региона должен быть собственный «алгоритм» институциональных преобразований. Разработка системы мер в этом направлении, применяемых по разработанным с учетом специфики региона правилам, может только тогда привести к решению поставленных задач, когда нет неадаптированного использования транзитологических моделей.

«разрывов» в сложившихся и только еще налаживающихся системах социальных связей, способный привести к углублению и даже необратимой дезинтеграции.

Поэтому нельзя оставлять все как есть в культурно-институциональной области.

Требуется, таким образом, четкая и последовательная федеральная и региональная политика реформирования всей «сети» институтов культуры, несовместимая как с революционной ее перекройкой, так и с выжидательной позицией.

Литература

1. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2003. – С. 452.
2. Нечаев В.Д. Когнитивные революции и институциональные изменения // Политические исследования, 2002, №5. – С. 6.
3. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). – М.: Политиздат, 1989. – С. 53-54.
4. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – Изд-е 3-е, перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. – С. 222.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 181-185.
6. Елисеев С.М. Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Политические исследования, 2002, № 6. – С. 72.
7. Sorokin Pitirim A. Social and Cultural Dynamics, vol. 1, New York: American Book Company, 1937. P. 198.